

В. КАТАЕВ КАК ЮМОРИСТ И САТИРИК

Анатолий Степанович ЛИХОДЗИЕВСКИЙ

Доктор филологических наук, профессор

Узбекский государственный университет мировых языков

Чжао ЮЭ

Независимый исследователь

Узбекский государственный университет мировых языков

Ташкент, Узбекистан

V. KATAEV YUMORIST VA SATIRIK SIFATIDA

Anatoliy Stepanovich LIXODZIYEVSKIY

Filologiya fanlari doktori, professor

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Chjao YUE

Mustaqil tadqiqotchi

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Toshkent, O'zbekiston

V. KATAEV AS A HUMORIST AND SATIRIST

Anatoliy Stepanovich LIKHODZIEVSKY

Doctor of Philology, Professor

Uzbekistan State World Languages University

Zhao YUE

Independent Researcher

Uzbekistan State World Languages University

Tashkent, Uzbekistan

UDC (УО'К, УДК): 821.161.1:82-17.09 Катаев

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):

Лиходзиевский А.С., Чжао Юэ. В. Катаев как юморист и сатирик //O'zbekistonda xorijiy tillar. — 2023. — № 2 (49). — С. 184-195.

<https://doi.org/10.36078/1684128303>

Received: February 26, 2023

Accepted: April 17, 2023

Published: April 20, 2023

Copyright © 2023 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

Аннотация. В статье с новой стороны представлено творчество известного русского писателя Валентина Катаева, который внес существенный вклад в развитие жанра сатирической повести в русской литературе первой половины XIX века. Анализируются два наиболее значительных произведения Катаева в этом жанре – «Остров Эрендорф» и «Повелитель Железа». Основное внимание уделяется специфической проблематике произведений, их образной системе, мишеням сатирической критики. Исследуются особенности сатирической техники В.Катаева, приемы создания комических образов и ситуаций. В статье применяется метод типологического сопоставления с точки зрения жанра сатирической повести, ее взаимодействия с другими литературными жанрами. Результатом исследования являются выводы о плодотворном слиянии сатиры с жанром приключенческого романа и научной фантастики.

Ключевые слова: сатира; гротеск; сатирическая повесть; обличение; приключение; комизм; философские идеи; авторская позиция; динамика действия; фантастика.

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

Annotatsiya. Maqolada XX asrning birinchi yarmida rus adabiyotida satirik hikoya janrining rivojlanishiga katta hissa qo'shgan taniqli rus yozuvchisi Valentin Kataevning ijodi yangi tomondan tadqiq etildi. Kataevning ushbu janrdagi ikkita eng muhim — "Erendorf oroli" va "Temir xo'jayini" asarlari tahlil qilindi. Asarlarning o'ziga xos muammolari, ularning obrazli tizimi, satirik tanqid maqsadlariga asosiy e'tibor berildi. V.Kataev satirik texnikasining xususiyatlari, hajviy obrazlar va vaziyatlar yaratish usullari o'rganildi. Maqolada satirik hikoya janri, uning boshqa adabiy janrlar bilan o'zar munosabati nuqtayi nazaridan tipologik taqqoslash usuli qo'llanildi. Satiraning sarguzasht romani va ilmiy fantastika janri bilan samarali uyg'unligi haqidagi xulosalar tadqiqot natijasi sifatida taqdim etildi. **Kalit so'zlar:** satira; grotesk; satirik hikoya; tanbeh berish; sarguzasht; kulgili; falsafiy g'oyalar; muallifning pozitsiyasi; harakat dinamikasi; fantastik.

Abstract. The article presents the work of the famous Russian writer Valentin Kataev, who significantly contributed to the development of the satirical short novel genre in Russian literature in the first half of the XX century. The two most significant works of Kataev in this genre are analyzed — "Ehrendorf Island" and "Lord of Iron". The primary attention is paid to the specific problems of works, their figurative system, and targets of satirical criticism. The features of V. Kataev's satirical technique and methods of creating comic images and situations are studied. The article uses the method of typological comparison from the point of view of the satirical short novel genre and its interaction with other literary genres. The study provides relevant conclusions on the fruitful fusion of satire with the adventure novel and science fiction genres.

Keywords: satire; grotesque; satirical story; denunciation; adventure; comedy; philosophical ideas; author's position; action dynamics; fantasy.

Существенный вклад в развитие русской сатирико-юмористической прозы внес Валентин Петрович Катаев (1897–1986). Его произведения «Белеет парус одинокий» (1936), «Время, вперед!» (1932), «Сын полка» (1945), «Алмазный мой венец» (1978) являются классикой русской литературы XX века. При этом другая сторона его творчества (как создателя комических произведений) до сих пор не оценена в полной мере.

Для своего времени сатира и юмор В. Катаева были достаточно характерным и ярким явлением, и его обращение к ним было закономерным. Дебютировавший в печати в 1910 году писатель практически сразу обратился к комической прозе, опубликовав язвительную повесть «Темная личность» (1912). В 20-е годы, сотрудничая с газетой «Гудок», он регулярно публиковал сатирические рассказы, высмеивающие мещанство во всех его проявлениях. Широкую известность имели тогда его сатирические пьесы, самая известная из которых «Квадратура круга» (1928).

В 1924 году В. Катаев откликнулся на призыв создать советский приключенческий роман, вступив в шутливую полемику с И. Эренбургом, опубликовал сатирическую повесть «Остров Эрендорф», являющуюся своеобразной пародией на его произведения и сначала печатавшуюся отрывками в газете

«Новый путь» и журнале «Огонек», а затем вышедшую отдельным изданием.

В этом произведении наблюдается слияние многих жанров — приключенческого романа, научной фантастики, романа-катастрофы, широко распространенного в западной литературе, а также философской прозы. Но сатира в нем все-таки доминирует. При всей динамичности действия, увлекательности сюжета для писателя главным все-таки является сатирическое обличение реалий современного мира. Писатель ставит вопрос о судьбе человечества как такового и обличает желание горстки капиталистов выжить за счет остального населения земного шара.

Завязкой действия является открытие американского профессора Гранта (очевидная отсылка к персонажу Жюля Верна), вычислившего, что в результате резкого «перерождения коры земного шара» большая часть материков уйдет под воду, и возникает необходимость спасения человечества от этого всемирного потопа. «— Перерождение коры земного шара будет колossalным. Оно начнётся у Южного полюса и захватит Южную Америку и Австралию. Эти материки опустятся в океан. Вслед за ними в океан опустятся Азия и Европа, а также Африка и Северная Америка. Это будет нечто более грандиозное, чем всемирный потоп. Вода ринется на сушу. На месте океана поднимутся новые материки... История человечества вступит в новую fazu».

Все персонажи произведения по-своему видят решение этой проблемы и свое участие в ней. И если сам профессор хочет спасти как можно больше людей, то главный американский магнат Матапаль решает спасти горстку себе подобных вместе с необходимыми слугами на океанском островке, который должен уцелеть во время катастрофы.

Дочь профессора Елена ужасается недалекому будущему человечества, представляя апокалиптическую картину: «Это будет в сто раз страшнее великого переселения народов. Обезумевшие люди бросят города и села и лавой потекут к берегам океанов, всё сметая на своем пути. Наиболее сильные захватят корабли и летательные машины. Возле каждой лоханки произойдут кровопролитные бои. Миллионы слабых погибнут».

И если гуманист профессор Грант вызывает у читателя, несмотря на свою наивность и доверчивость, явное сочувствие, то образы богачей, политиков и разного рода аферистов созданы в явно сатирических тонах. Среди них яркостью обрисовки выделяется Матапаль. Он не владеет достаточным количеством свиней, банков и нефтяных промыслов, не является наследственным продолжателем даже какой-нибудь «захудалой» династии. И тем не менее в его руках сосредоточена огромная власть. Этот «король королей», сын гуталинового короля и королевы является вождем всех финансовых магнатов. Сцена его первого появления на страницах повести саркастична: «Лакей улыбнулся так широко, что в комнате стало светлей на сто

пятьдесят свечей, и быстро распахнул жалюзи, впустивши в комнату большую свежую партию утреннего света и коровьего мычания...».

При встрече с профессором Грантом он раскрывает свои планы. По мнению Матапаля, человечество «заражено гангреной», идущей от социальных теорий и опыта СССР, и «требует немедленной и серьёзной операции», поскольку капитализму грозит гибель. А потому он решает использовать катаклизм для создания на уцелевшем острове «идеальной капиталистической культуры» с ее «элементами общественных и моральных форм» и гордо заявляет: «И я буду создателем этих форм!»

Развернув активную деятельность, Матапаль переправляет на остров нужных ему людей, строит «новую цивилизацию», ложную в своей основе. «Избранные лакеи, привезённые ими с материка, выдавливали угри, сидя в красных креслах. Лифтбои навытяжку стояли у лифтов». Важная деталь истории Матапаля заключается в том, что почти до конца произведения он остается незримой и недоступной личностью, оградившей себя бюрократическим аппаратом и стражей (в одном из эпизодов романа персонажей, стремящихся к нему на прием, встречает «второй лакей шестнадцатого секретаря мистера Матапаля»). Только в самом конце повести писатель дает его портрет: обязательные фрак и цилиндр, «тугой до скрипа воротничок», усы по старой английской моде. Но главная деталь его внешности – глаза, выражющие самую суть этой личности: «Они были глубоко впаяны в острую оправу орбит, как два прозрачных крупногранёных драгоценных камня. Его нос, загнутый острым клювом к подбородку, придавал ему сходство с филином, смотрящим на солнце ничего не видящими, пустыми, резкими глазами». Читатель с самого начала понимает, что предприятие Матапаля обречено на неудачу.

В таких же язвительных тонах изображен соратник Матапаля, главный планировщик новой цивилизации, именем которого назван остров, проходимец и аферист Эрендорф, по словам своего шефа, «блестящий организатор и специалист по мировым катастрофам». Этот делец ловко выкупает у спившегося «бывшего президента Мексики» права на остров и гордо заявляет: «Я Эрендорф, и мне принадлежат как местная территория, так и местные законы». Сатирик характеризует его с помощью явной гиперболы, в данном случае элемента научной фантастики: «Эрендорфу было от ста двадцати до ста сорока лет, но не больше. Возраст не слишком старый, если принять в расчёт, что каждые двадцать лет он регулярно омолаживался в лучших американских фирмах».

Для В. Катаева-сатирика цивилизация финансовых магнатов гибельна, отношение к капиталистам Запада однозначно отрицательное, но и противники Матапаля и Эрендорфа изображены явно иронически. После бегства магната на спасительный остров в оставленной им на произвол судьбы

Америке начинается борьба за власть. С одной стороны, действует лидер рабочих Пейч, произносящий бурные речи с позиций пролетариата. Пейч проповедует: «Товарищи, уже недалёк час, когда мы сумеем взять твёрдой рукой за горло кучку негодяев, окопавшихся на Пятой авеню, и, я надеюсь, нам удастся страсти с их лысых голов шёлковые цилиндры на кремовой подкладке!» Но и здесь чувствуется определенная авторская ирония, скрытая насмешка над демагогией и очевидная пародия. Конечно, Пейч явно ближе В. Катаеву, чем Матапаль или Эрендорф, но и он показан в унизительном положении, когда направленная к острову его эскадра ничего не может поделать с «машиной обратного тока» Матапаля, не допускающей на остров снаряды Пейча.

У лидера рабочего класса есть и другой противник, обрисованный предельно саркастически. Это «третий лакей шестнадцатого секретаря мистера Матапаля» Батист Линоль, в образе которого автор показывает, как в результате революционных перемен власть могут захватить возгордившиеся тупицы и подхалимы. Линоль просто заполняет собой образовавшийся после бегства Матапаля вакuum власти и организует государство, управляемое лакеями (4 глава повести так и называется: «Правительство лакеев»). Тупые и бездарные лакеи под руководством Линоля понимают только внешнюю бутафорию власти, видимость реформ, они предписывают всем мужчинам Америки носить обязательные смокинги, на которые уходит все черное сукно, имеющееся в этой стране. При этом используются своеобразные меры воздействия на население: «Летучие отряды портных, снабжённых соответствующими мандатами, разъезжали на грузовиках по всему Нью-Йорку и в порядке “революционного” насилия снимали мерки с проходящих мужчин, от восемнадцати до девяносто четырёх лет включительно». Один из примкнувших к Линолю дураков и подхалимов предлагает патриотическую акцию «надеть на статую Свободы бронзовый смокинг», правда, отвергнутую Линолем (один дурак оказался еще глупее другого). Сам Линоль, свергнутый в finale повести, появляется на острове в унизительном голом виде.

Поскольку повесть изначально планировалась как приключенческая, в нее был введен персонаж, проходящий через множество испытаний, злоключений и забавных положений. Это, по авторской характеристике, Ван — «один из главных действующих лиц этого романа», по непонятной причине преследующий профессора Гранта и каждый раз опаздывающий. Читатель далеко не сразу понимает причины его упорства и почему он так стремится «спасать свою гибнущую репутацию». Он мечется по Америке, а затем между Америкой и островом, ситуации, связанные с его приключениями всегда гротескно комичны, встречаются элементы черного юмора. Ему приходится даже падать с самолета в океан, когда под действием «машины обратного тока» самолет теряет способность лететь:

«...Ван падал в океан. За ним летели пирожки с рисом и недопитая бутылка виски...» Насмехаясь над Ваном, писатель все-таки оставляет за ним решающее слово в развязке действия. Оказывается, Ван служит агентом фирмы, производящей арифметры. Он обязан извиниться перед профессором за производственный брак: свои вычисления ученый сделал на некачественном арифметре и допустил независящую от него ошибку в расчетах. Таким образом, катализм не угрожает Америке и Европе, а под воду уходит как раз остров Эрендорф вместе с Матапалем, его слугами и созданным им «идеальным капитализмом». По мысли автора, такой финал закономерен для всего бесчеловечного, жестокого и бесчувственного.

Для простых человеческих чувств в романе также находится место. Второстепенные герои романа — дочь профессора Елена и ее возлюбленный Джимми — проходят через различные испытания (например, под гипнозом служащего Матапалю доктора Шварца Елена и ее отец теряют память и не узнают Джимми), но все становится на место, и повествование завершается счастливым соединением влюбленных и сообщением об успешной карьере Вана, все-таки спасшего свою репутацию.

Повесть «Остров Эрендорф» динамична и комична. Комизм встречается не только в описании событий и в характеристиках героев. Комичны интерьеры домов и дворцов. В повести встречаются комические сравнения в пейзажах. Например, юмористические: «Круглая, бледная, магнитная луна всплыvalа из океана. Она была покуда ещё похожа на пуховку, вынутую красавицей из лазурного мешочка, чтобы попудриться на ночь». Но иногда сарказм автора проявляется в грубоватых описаниях природы: «Затем солнце стало жёлто-красным, как сафьяновая, похожая на сердце, задница павиана».

Можно утверждать, что повесть «Остров Эрендорф» является литературным достижением Валентина Катаева, в которой ярко проявилось его дарование комического писателя. Но самым значительным произведением В. Катаева как юмориста и сатирика является повесть «Повелитель железа» (1925).

Это тоже не самая известная его книга, но занимающая в творчестве писателя важное место. Прежде всего, необходимо определиться с жанром этого произведения. Сам автор назвал его в подзаголовке «авантюрным романом с прологом и эпилогом». И действительно «Повелитель железа» насыщен приключениями разных персонажей. Это путешествия, поиски, батальные сцены, неожиданные совпадения, переодевания и т. д. Есть в книге и пространные философские рассуждения о природе человека, прогрессе общества и моральном состоянии. Но все-таки его главное содержание — это язвительная остроумная сатира, соединяющаяся с элементами других жанров.

Основной вопрос, поставленный в произведении, опять же имеет социально-философский характер: почему человечество не может прекратить бесконечные войны, как с ними бороться и

добиться общего мира на земном шаре? Вся система событий и персонажей повести является попыткой ответить на эти вопросы.

Завязка действия заключается в послании некоего Повелителя Железа, опубликованного в прессе и оглашенного по радио. Эта таинственная личность предъявляет всему человечеству ультиматум: если в течение месяца все армии не разоружатся, то он применит какую-то сверхсилу, чтобы добиться мира насильственным путем. Тайна раскрывается по ходу действия романа. Повелителем Железа оказывается внешне неприметный ученый Савельев, который в своем стремлении победить мировое зло воплощает своеобразный вариант Дон Кихота, наивного правдолюба и истинного гуманиста. Этот персонаж заставляет вспомнить профессора Гранта из повести «Остров Эрендорф», представляя собой развитие этого типа героя. Это такой же честный, переживающий за судьбу человечества ученый, но стремящийся осуществить свои идеалы другим путем.

Чтобы прекратить войны Савельев изобретает и материализует прибор, способный своим сверхмагнитизмом парализовать все железные предметы, и таким образом сделать все оружие бесполезным. Савельева можно назвать «добрым маньяком», который фанатично одержим своей идеей спасти человечество. Он убеждает своего оппонента: « — Это значит, что ружейные затворы не открываются. Военные самолеты не летят. Машины останавливаются. Все железные предметы соединяются друг с другом, и отцепить их не может никакая сила в мире. Война становится не-воз-мож-ной» (2, 104).

Катаев использует элемент научной фантастики, имевшей огромную популярность в начале XX века. При этом, развивая сюжет, писатель не заботится о противоречиях и просто нелепостях, встречающихся на страницах повести. Несмотря на магнитическое действие аппарата, почему-то не притягиваются металлические стремена конников, молоток, которым Савельев в конце повести разрушает свой прибор. И почему человечество не может воевать без железа? Вполне можно обойтись элементарными дубинами из дерева. Но В. Катаев и не стремится к строгой жизненной логике. Для него главное — столкнуть персонажей, по-разному относящихся к этой проблеме.

Отсюда и несколько сюжетных линий, переплетающихся между собой. Главная из них повествует историю чудака-профессора, его борьбы за разоружение человечества. Писатель показывает, как Савельев от восторженной убежденности в своей правоте приходит в конечном счете к разочарованию в своем аппарате, крушению своих надежд. Вокруг ученого группируются остальные персонажи повести, и у каждого своя собственная история.

Много места в повести уделяется журналисту Королеву. Именно с ним связан приключенческо-фантастический элемент в повести В. Катаева. Это типичный для прозы В. Катаева герой,

во многом своими похождениями напоминающий Вана из повести «Остров Эрендорф». Погоня за подозрительными личностями приводят его в Собор Василия Блаженного, охарактеризованный Катаевым как «чудовищный букет диких красок» (2, 36), он оказывается в подземной Москве, находит библиотеку Ивана Грозного, из которой узнает необходимые сведения. Судьба приводит его в Ташкент («Ну что ж, — думал он. — Ташкент так Ташкент. Я могу. Я такой. Даешь Ташкент!») (2, 70), а затем в Индию, где происходит основное действие повести.

История Королева написана в стиле традиционных плутовских романов, когда персонаж проходит чуть не через все сферы современного общества. «Каких только приключений он не пережил, каких профессий не перепробовал. Он был собственным военным корреспондентом — Украинского радиотелеграфного агентства при штабе Буденного, он заведовал библиотекой в красноармейском клубе, он редактировал не менее десяти стенных газет, он болел сыпным тифом, умирал от голода, писал агитационные драмы, падал с самолета, был уполномоченным по заготовке дров и даже, как это ни странно, в течение двух недель числился старшей сестрой милосердия при Одесском эвакоприемнике в 1920 году (2, 35)».

Королев, конечно, является для писателя героем положительным, хотя в этом образе чувствуется и определенная авторская ирония. Герой бегает, прыгает, проявляет черты супергероя, пародия на произведения такого жанра в повести Катаева чувствуется постоянно. При этом положительная программа автора близка к точке зрения его персонажа. В споре с Савельевым Королев доказывает необходимость освободительных войн и восстаний масс ради обретения свободы и справедливости. Он проявляет себя как сторонник революционных преобразований. По его убеждению, власть золота сохранится (аппарат Савельева на него не действует), а это еще больше обострит классовые противоречия, разделение на бедных и богатых. Королев уверен, что прекратить мучения угнетенных может только справедливое насилие. «Война против войны Всем своим сердцем, всей своей плотью и кровью я принимаю такую войну!» (2, 123).

Писатель в целом разделяет эту позицию, но при этом его отношение к учениям о революции, революционерам с их демагогией скрашивается явной долей иронии. Как и в рассказах, В. Катаев высмеивает крайности. Один из персонажей повести говорит: «А то вы знаете этих коммунистов. Им только открои рот — они сейчас же начнут агитировать» (2, 90). С этой темой связана сюжетная линия вождя индийских бедняков Рамашандры.

Рамашандра, безусловно, герой положительный. Он молод, красив, умен, пользуется популярностью в народе, борется за независимость против колонизаторов. Но у Катаева этот персонаж меньше всего похож на ходульный образ

революционера-фанатика. Это живой человек со слабостями, его влечет любовь к девушке, из-за чего он однажды попадает во вражескую ловушку. Рамашадра — опытный драчун, который в качестве аргумента может предложить не только лозунги, но и свои крепкие кулаки. Рамашандра отличается специфическим языком, напоминающим язык персонажей американской юмористики с ее характерным черным юмором. В одном из эпизодов, отбившись от своих врагов (в прямом смысле), герой произносит: «— Проклятые ищайки напали на мой след. Они оцепили митинг. Старик Допкинс подсчитывает зубы. Бедняга слаб по математике. И я боюсь, что, пока он окончит свою двойную итальянскую бухгалтерию, мы уже будем по дороге в Бенарес. У меня до сих пор кулак чешется» (2,43). В другом эпизоде защитник бедняков также не стесняется в выражениях: «Эге, куда гнет эта чернобородая обезьяна», — подумал Рамашандра, еле удерживаясь, чтобы не выскочить из толпы и не броситься на жреца (2, 64). Вождь индийской бедноты проявляет талант находчивого трюкача, ловкого обманщика. В одном случае он мастерски переодевается и предстает в облике своего противника, запутав и одурачив остальных. В другом, оказавшихся в храме во время демонстрации жрецами хитро подстроенных чудес для устрашения народа, Рамашандра вникает в устройство, подменяет сюжет, из-за чего на небе вспыхивают революционные лозунги.

Авторская ирония действительно приближается иногда к черному юмору. В таком стиле описана потасовка восставших индусов и колонизаторов. «Люди хватали друг друга за горло, катались в судорогах под ногами взбесившихся лошадей, разбивали камнями друг другу головы. Каждая минута приносила кому-нибудь гибель, но зато каждая минута приближала торжество индусского пролетариата» (2, 138).

Но если революционеры и социалисты изображены в повести с сочувствием, хотя и с долей иронии, то их противники — явно саркастически. Сатира В. Катаева прежде всего направлена в сторону западных колонизаторов. Показательна сцена казни захваченного Рамашандры (которой он сумел избежать). Для богачей казнь ненавистного врага, как и для римских патрициев убийство побежденного гладиатора, — в высшей степени приятное для развлечения зрелице. Гротескное описание аморальной толпы четко выражает позицию В. Катаева, его ненависть к западному капитализму, наживающему свое богатство за счет эксплуатации порабощенных народов. «Толстые американские миллиардеры с длинными черными сигарами в зубах и их рыжие жены, развесившие на себе драгоценности чудовищной цены и чудовищного безвкусья, умирали от нетерпения в ожидании зрелица» (2,110).

Среди сатирических образов колонизаторов явно выделяется полковник сэр Томас Хейс. Надменный англичанин, с презрением относящийся к индийскому народу, формально — представитель «акционерного общества по распространению

рюмок для еды яиц всмятку» (2, 28), но на самом деле жестокий поработитель коренного населения Индии. По определению сатирика, положительными качествами Хейса являлись «седеющие виски, колючие усы, бритые синие щеки, проницательный взгляд, чемодан прекрасной крокодильей кожи и туто набитый бумажник». Прибыв в Индию, он первым делом заботится о своей престижности и принимается подыскивать загородную виллу «подходящую для его почтенного возраста и не менее почтенного бумажника» (2, 46).

У этого персонажа яркая гротескная внешность. Узнав неприятные для себя новости, он меняется на глазах как хамелеон: «Лицо Хейса раздулось и побагровело, как два кило кровяной колбасы... полковник Хейс переменил на своем лице не менее семи самых ярких и элегантных красок.

Цвет кровяной колбасы сменился золотистым цветом свежих фиников, затем стал синим, как небо над океаном, затем зеленым, как тухлое мясо бизона, и наконец белым, как пятно на лбу священного слона Бенареса» (2, 50).

Важнейшая деталь, характеризующая этого сноба-колонизатора — это его специфический кашель, определяемый в повести как «лай». При этом сатирик уточняет, что этот хриплый собачий лай является свойством всех английских колониальных полковников. Сцены участием Хейса всегда рисуются с явным сарказмом.

«Хейс Полковник выругался и залаял.

С улицы на его лай откликнулись несколько бездомных бродячих собак» (2, 49).

Еще один сатирический образ колонизатора — это начальник полиции Допкинс, смыслом жизни которого является арест Рамашандры. Получивший от Рамашандры сильный удар в челюсть, Допкинс обращается к служительнице индийского храма. «Черт возьми, — пробормотал Допкинс, — нельзя ли попросить вас, красавица, чтобы наш всемогущий Шива постарался как-нибудь укрепить мои расшатанные зубы и помочь моим ребятам найти негодяя Рамашандру» (2, 45). Все эпизоды романа с участием Допкинса демонстрируют его тупость и невежество. И, разумеется, он каждый раз оказывается посрамленным.

Очень часто В. Катаев использует литературные реминисценции. В повести выведен сыщик Стэнли Холмс, якобы племянник знаменитого детектива. Здесь используются приемы литературной пародии. Племянник оказывается жалкой копией своего знаменитого родственника. Он также с упоением пиликает на скрипке (вальс «На сопках Маньчжурии» и польку «Великая Британия»). Все его попытки поймать Рамашандру заканчиваются позорным провалом. Умный индус просто издевается над самоуверенным и напыщенным сыщиком, который в finale повести признает крах всей колониальной системы: «Но само собой выходило так уныло, что Стэнли Холмс отшвырнул скрипку и пробормотал: — Ох, чует мое сердце...

Лопнет скоро моя великая родина как мыльный пузырь... После переворота в Индии этого уже ожидать недолго» (2, 148).

Сатирические стрелы В. Катаева направлены на вполне конкретные цели. Сочувствуя бедному народу Индии, он не признает религиозного фанатизма, слишком распространенного в этой стране. В повести есть сцена, когда обманутые фокусами жрецов верующие фанатики доходят до состояния полного безумства. И здесь не обходится без мрачного черного юмора: «Фанатики рвали на себе одежды и бросались на землю, царапая ее руками и грызя зубами. Стон, вопли, плач, крики неслись над толпой. Огни факелов взлетали вверх и корчились, катаясь по земле. Картина была неописуема» (2, 65).

То же самое можно сказать об особенностях индийских пейзажей. При всей симпатии писателя к этой стране он не может удержаться от язвительных метафор: «Священный Ганг тяжело катил свои грязные “священные” волны, полные падали, и шоколадные от нечистот» (2, 55).

Хотя действие романа в основном происходит в Индии, сатирик очень часто прерывает его и обращается к реалиям советской России. Хорошо знакомый с работой редакций журналов и газет с их бюрократизмом, волокитой, графоманством, В. Катаев вставляет в текст повести фрагменты, высмеивающие их «кипучую» деятельность. Приведем пример описания этого «производства»: «Собственно говоря, нужно было обладать чудовищной фантазией, чтобы назвать кабинетом эту стеклянную коробку 4x5, устроенную в углу редакционного зала, где три лихих машинистки с замашками призовых пулеметчиков насиливали свои ундервуды, выставив из растрепанных причесок острые уши» (2, 32).

Что касается графоманства, бездарности, деградации литературного творчества, то их воплощает в себе образ безымянного литератора, который занят «пробиванием» в печать своих опусов. Первый раз читатель видит его в начале повести, когда он «вот уже вторую неделю он с настойчивостью римского трибуна дождался сладостного мига, когда его наконец примет редактор» (2, 32). Затем автор снова вспоминает о нем после возвращения в редакцию Королева. «Это был тот самый провинциальный поэт, который сидел, дожидаясь приема, перед кабинетом редактора “Вечернего пожара” в третьей главе нашего романа.

За это время у него выросла порядочная борода» (2, 145).

Но осмеивается не только недоступность редактора-бюрократа, но и наполеоновские планы писаки, который уверен, что может достичь популярности в любом жанре. У него есть и бытовой роман, и роман психологический, четыре новеллы, «восемьсот пятнадцать лирических стихотворений и одну символическую драму». Пробившись наконец в кабинет редактора, он ошарашивает многообразием своих рукописей: «У меня в папке есть сонеты, триолеты и газэлы. Есть эпиграммы, психологические этюды, эгит гениолы, миниатюры, юморески и

фельетоны... Умоляю вас, дайте мне досказать... Несколько статей, библиографических заметок, очерков и памфлетов...» (2, 145). От назойливого литератора, который пишет «теми пронзительно-лиловыми чернилами, какими пишут графоманы всего земного шара без различия пола и возраста» (2,145–146), редактора спасает появление Королева с сенсационным материалом.

Повесть «Повелитель железа» заканчивается явно оптимистично. Посрамлен ученый с его наивными планами прекращения войн, преуспевает Королев, ставший знаменитым, разоблачены и изгнаны поработители-колонизаторы, Индия получает свободу и независимость (утопическая картина, предсказывающая действительное освобождение страны от колониального ига). Таким образом, в этом произведении нашли отклик актуальные вопросы времени, а доминирующая в нем сатира удачно соединяется с элементом приключенческого жанра и социально-философского трактата.

Известный исследователь комической прозы А. Вулис считает, что «“Повелитель железа” — в некотором смысле литературная энциклопедия 20-х годов» (3, 18), поскольку в нем отразились не только мировые катаклизмы этого времени, но стилистика русской юмористики, мотивы и сюжеты, предрекающие появление сатирической прозы И. Ильфа и Е. Петрова. Повесть В. Катаева, по мнению А. Вулиса, «напрашивается на роль главного генеалогического предшественника знаменитых романов», «пародийный роман и повесть были введены в советскую литературу “Повелителем железа”» (3, 19).

Использованная литература

1. Катаев В. Остров Эрендорф// Катаев В. Собрание сочинений в 9 т., Т. 2.— М.: Художественная литература, 1970. — 131 с. — URL: <http://ruslit.traumlibrary.net>.
2. Катаев В. Повелитель железа//Повелитель железа. Русская авантюрная сатира. — Ташкент: Шарк, 1993. — С. 21–148.
3. Вулис А. Воскрешение неумиравшего, или Жанры не горят// Повелитель железа. Русская авантюрная сатира. — Ташкент: Шарк, 1993. — С. 3–20.

References

1. Kataev V. *Sobranie sochinений* (Collected works), in 9 vol., vol. 2, Moscow, 1970, 131 p., available at: <http://ruslit.traumlibrary.net>.
2. Kataev V. *Povelitel' zheleza. Russkaya avantyurnaya satira* (The Lord of iron. Russian adventurous satire), Tashkent: Shark, 1993, pp. 21–148.
3. Vulis A. *Povelitel' zheleza. Russkaya avantyurnaya satira* (The Lord of iron. Russian adventurous satire), Tashkent: Shark, 1993, pp. 3–20.

